

Это был мой первый в жизни отпуск и мое последнее мальчишеское лето. Осенью мне предстояло отправиться служить в армию. И я приехал домой, к родителям.

Мама как то странно-предупредительно ходила вокруг меня. Я еще не знал, что вижу ее в последний раз. Она открыла 10-литровую бутылку с вишневой наливкой и сказала:

– Пей лучше дома, чем всякую дрянь с твоими приятелями.

Ей было невдомек, что там, откуда я приехал через год после окончания техникума, пили в основном чистый спирт, который наши коллеги таскали из источника, бывшего фонтаном на полигоне, что располагался в нескольких сотнях метров от нашего массивного, в классическом стиле, 3-х этажного здания СКБ. Там, на полигоне, регулярно, иногда по нескольку раз в сутки, раздавался чудовищный рев, длящийся около полутора минут. Это было время стартового разгона нашего основного изделия, клона от фашистского ФАУ-2.

Родители очень не хотели меня отпускать в большой мир. Мне было всего 17. Но я бежал от их опеки и из неких романтических побуждений в маленький спецпоселок на Южном Урале, в 120 км от Челябинска. Через полгода я переманил к себе и сестру, 6-ю годами старше меня, девушку живую, артистичную, в свое время она выделявала изящные пары в танцевальном Ансамбле московского Дома Союзов и нравы, бытовавшие там, таскала потом за собой всю жизнь. Сестра уже успела не совсем удачно сбежать замуж. Так что родители остались одни, вернее с моим надежным наперсником, сибирским котом Васькой, белоснежным пушистым гигантом с двумя черными пятнами – на голове и на кончике хвоста.

Время мое отпускное сразу после приезда понеслось вскачь. Дома я почти не бывал. Днем я встречался со старыми приятелями, сокурсниками, с теми немногими, кто еще оставался из большой, веселой нашей компании.

А длинные летние вечера, до первых петухов, проводил с Валею Пьянковой, местной красавицей с пшеничной косой до пояса, только что закончившей медучилище. Это была моя бывшая пассия, с которой я познакомился год назад, незадолго до отъезда из города и держал это

знакомство в большом секрете. Отношения наши тогда были легкими, приятельскими, мы даже и не переписывались. Я неожиданно встретил ее в первый же отпускной вечер на танцплощадке в городском саду, и мы уже не расставались. Девушка она была строгая, в старых традициях, всяких нежностей сторожилась, мы и целовались то редко. Она говорила: – И чего мужики в этом находят, как будто мы медом намазаны. Какие то они все липучие.

Женщина еще в ней не проснулась. Мне было очень приятно находиться в ее обществе, она вся была как будто пропитана свежестью и чистотой. Мы исходили с ней весь наш небольшой городок и прилегающие рощи, развлекаясь бесконечными разговорами. По большей части тема обсуждалась одна. Я имел неосторожность рассказать Вале Пьянковой в виде анекдота, что наш комендант, когда я пришел к нему просить отдельную комнату в общежитии для нас с сестрой, рассмеялся и сказал: – Не морочь мне голову насчет сестры, принеси документ из загса и сразу получите комнату в малосемейке или даже квартиру, как раз дом сдастся. И не тяни резину. Сейчас самый удачный момент. Твоим бытом интересовался уже сам Серов.

Серов был зам. Генерального Конструктора. Чтобы он обратил внимание на одного из 500 работников СКБ – должен быть повод. И повод был. Генерального мы видели по большим праздникам в президиуме. Еще бы. Как никак – зять самого министра оборонной промышленности Устинова. А Серов иногда проходил по нашим зеркально отполированным паркетным полам. И останавливался перед кульманом, за спиной у какого-нибудь конструктора. Это что-то да значило. У меня, кроме штатного кульмана, был еще электромеханический арифмометр на столе. Агрегат был из новых, здоровенный, шумный и не очень надежный. И как-то, проходя мимо, этот высокопоставленный научный муж обратил внимание, что на моей расчетной простыне, длиной метра два с половиной, в которой пошагово просчитывалось перемещение центра тяжести во время полета ракеты, добрая треть полей остается не заполненной. Серов вдруг очень заволновался, спросил, что это означает. И я объяснил, что эти поля лишние, можно легко совместить несколько операций, выделив общий множитель для суммы. Идея была понятна, но железная последовательность шагов явно нарушалась. К тому же в простыне рассчитывался пошагово некий интеграл, а, как известно, с помощью этого математического действия легко можно доказать, что дважды два – пять. Серов оказался мужиком дотошным. Он залюбопытствовал и

вместо того, чтобы впать мне выговор за злостное самовольство, отзвонился в соседний отдел. Оттуда, минут через пяток, появился местный математический гений, выпускник МГУ, метр двадцать с кепкой, с огромным шнобелем и десятком диоптрий в очках. Он как-то неодобрительно крикнул, но поставленную задачу просек моментально, с полчаса поколдовал в прошнурованной тетрадке, а потом, даже не глядя в мою сторону, показал вывод Серову. Оказалось: во-первых – результат был в мою пользу, во-вторых – в нашей продвинутой конторе здоровую инициативу реально поощряют. К вечеру уже был подписан приказ. Я получил прибавку в 150 руб. к зарплате (к моим 1200). дополнительные 6 дней отпуска к моим 18 и спецпитание – ежедневную бутылку молока (которого не пил) за вредность. Серов лично услышал, как грохочет наше новейшее кибернетическое чудо.

– Как вы это выдерживаете – повел он плечами, когда я при нем еще принялся добывать свою расчетную простыню. Но Валя Пьянкова этот анекдот поняла по-своему. У нее червоточили две проблемы. Обе – с мужиками. Одна – с ее собственным отцом-алкоголиком. После смерти Валиной матери, он не просыхал уже который год – пил горькую. И требовал от дочери, чтобы она добывала водку – где хочет, или спирт, как медик. И чуть что, хватался за топор и гонялся за ней по двору. Протрезвев на короткое время, валялся в ногах и каялся. Там был еще и братик, которому она была и мамка и нянька и все, все, все. Второй проблемой был приклатненный сосед, воспылавший к ней, как только она подросла, невиданной страстью. И грозивший ее зарезать, если увидит с кем то. Она уже подумывала не переселиться ли ей на самом деле к этому постылому соседу, чтобы защититься от отца. И тут появился я со своим анекдотом. И все наши разговоры сводились к тому, что мы должны уехать вместе. И пожениться. И по моему желанию – этот брак будет нормальный или фиктивный.

– Получим квартиру и у тебя будет свой угол, когда вернешься из армии. Работу я найду. Легко. Медики везде нужны. И если хочешь, я тебя буду ждать. Я человек верный.

Я в этом не сомневался. Репутация в городе у девочки, не смотря на такого родителя, была безупречная.

Возможно, так бы оно и случилось. Но за нами начал таскаться ее ревнивый сосед. И однажды глубокой ночью он вылез из подполья. Мы как раз были на плотине. Ревнивец набросился на меня сзади и, дыхнув перегаром, начал душить, выкрикивая что-то бессвязное и злобное. Но со мной были полгода занятий во Дворце Культуры с приехавшим из

Москвы продвинутым энтузиастом по борьбе самбо. Я резко присел, уцепил его за голову и, перекатив через свою спину, шмякнул во весь рост об асфальт. Потом еще в первый и последний раз в жизни засадил лежащему в скулу носком ботинка. И тут увидел, что он откуда-то вытянул нож. Я продолжал действовать точно как меня учили – резко долбанул каблуком по костяшкам пальцев и подобрал выпавший воровской самодел, тщательно отполированный с аляповатой наборной рукояткой. Я видел подобные у нас в общежитии – и не мудрено. Вход в зону, окруженную колючей проволокой, был буквально за углом, метрах в 50. По утрам, едва забрызжет рассвет, из окна можно было наблюдать, как зеков поотрядно выводили на работу.

У меня возникло острое желание пырнуть поднятой гадостью во что-нибудь унизительно мягкое. Но я удержался и зашвырнул клинок куда подальше, в темную воду. Он как то утробно булькнул, скрываясь навсегда – говорили, что здесь, у самой плотины, была многометровая гибельная глубина. И тут случилось неожиданное. Валя Пьянкова, вмиг потерявшая всю свою неизбывную девичью нежность, злой фурией налетела на меня:

– За что ты его избил, дурак, что он тебе плохого сделал! Ну ходит он за нами и что. Он давно ходит, я знаю. Ты бессердечный человек. У тебя глаза злые. Бедный Витек, надо отвести его домой...

И пошла его поднимать. Русская сердобольная душа. Такая музыка на троих в моей программе не была предусмотрена. Я развернулся и ушел. Через три дня я уехал к себе в Златоуст. Один.